

Людмила Павловна ГАРБУЛЬ
Вильнюсский университет

К проблеме семантических полонизмов в русском приказном языке первой половины XVII века

В конце XVI–начале XVII в., как известно, политические и военные отношения между Московской Русью и Польшей достигают крайней степени остроты в связи с попытками польской магнатории посадить на московский престол своего ставленника. Это приводит к активизации польско-русских межгосударственных контактов, вследствие чего значительно возрастает поток дипломатических документов¹, отражающих эти связи. В результате более активный и глубокий характер приобретают и польско-русские языковые контакты, что нашло отражение не только в количественном увеличении лексических заимствований из польского или через его посредничество — из других западноевропейских языков, но и в качественном изменении характера польского влияния на приказный язык (следы этого влияния в определенной степени сохранились и в русском литературном языке последующего времени). Так, по нашим наблюдениям, среди лексических полонизмов в указанный период возрастает доля *внутриславянских дериватов*, а также появляются *семантические заимствования* из польского.

Вообще следует отметить, что проблеме изучения польского влияния на русский язык в XX столетии уделялось достаточно большое внимание, что позволило выявить значительное количество лексических полонизмов, попавших в русский язык в XV–XVIII вв.; обзор основных исследований по этой теме см. [Гарбуль 1985; Золтан 1987; 1988]; наиболее полное собрание полонизмов, обнаруженных в русском письменном языке этого времени, представлено в работе В. Витковского [1999].

Для нас важно особо выделить работы польского ученого С. Кохмана, который одним из первых обратил внимание на проблему заимствования из польского *внутриславянских дериватов*, а также на

семантические полонизмы в русском языке XVII–XVIII вв. [Kochman 1975a, 9–13; 1975b], поскольку исследование такого рода заимствований представляется для нас весьма актуальным. Данные, полученные нами в результате изучения лексики документов Посольского приказа конца XVI–первой половины XVII в., подтверждают справедливость наблюдений польского лингвиста и позволяют значительно расширить список полонизмов такого рода.

В настоящей статье рассматриваются только семантические полонизмы, обнаруженные в дипломатической корреспонденции Московского государства, т.е. лексемы, значения которых в соответствующих контекстах, на наш взгляд, представляют собой (непосредственные или опосредствованные) заимствования из польского.

бѣгъ (1)* *сущ. м.* Вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел: *Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что ты гораздо научень и навывченъ Астроломию, и Географушь, и небеснаго бѣгу, и землемѣрю и инымъ многимъ надобнымъ мастертвамъ и мудростямъ* [СГГД 3, 373(110). 1639 г.].

Этимологию общеславянского **bĕgъ* см. в [Berneker I, 54–55; Brückner 1974, 25; Преображенский I, 59; Фасмер I, 141–142; Шанский I, 2, 67; ЭССЯ 2. 61–62, 58–60].

По данным [СлРЯ XI–XVII вв. 1, 84], др.-рус. *бѣгъ* отмечается со второй половины XI в., а в исследуемом нами значении оно известно с конца 70-х годов XVII в. по документам Петра I и по переводным с польского текстам. В интересующем нас значении оно представлено и в историческом словаре, отражающем русский язык XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 1, 154]. В русских лексикографических источниках *бѣгъ* ‘*fuga, cursus*’ впервые фиксируется с начала XVIII в. [Поликарпов 1704, 36], но по такой подаче сложно установить конкретное значение слова. В словарях русского языка XIX–XX вв. это существительное в значении ‘вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел’ не регистрируется [Даль I, 150; ССРЛЯ I, 380–382].

Обнаруженный нами случай употребления *бѣгъ* ‘вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел’ в дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства с Римской империей позволяет на четыре десятилетия уточнить время появления этого слова в русском письменном языке. Текст

* Здесь и далее цифрой в скобках указано количество употреблений анализируемой лексики в наших материалах.

исследуемого документа изобилует лексическими полонизмами, и это дает основание предполагать, что анализируемое значение слова *бѣзь* в данном источнике также может быть полонизмом.

Действительно, в польском литературном языке *bieg* в значении 'ruch, obieg ciała niebieskich' известно с середины XV в., в том числе и в словосочетании *bieg(i) niebieski(e)* (XV–XVII вв.), что и зафиксировано в словарях польского языка XV–XIX вв. [SłStp I, 2, 86; SłP XVI, II, 121; Linde I, 102; Karłowicz I, 149]. В значении 'szybki ruch, obrót przedmiotów', в том числе и по отношению к небесным телам, это слово фиксируется и в словаре современного польского языка [SłJP I, 500].

С конца XV в. *бѣзь* 'абарачэнне і рух планет сонечнай сістэмы і іншых нябесных цел' встречается в старобелорусском языке², причем и первый памятник, в котором оно отмечено, и подавляющее большинство текстов XVI–XVII вв. представляют собой переводы с польского, язык которых сильно полонизирован [ГСБМ 1, 215]. Однако далее XVII в. судьба этого слова в исследуемом значении для белорусского и украинского языков не прослеживается.

Приведенные выше данные позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что слово *бѣзь* в значении 'вращение, движение планет солнечной системы и других небесных тел' является бесспорным семантическим заимствованием в тексте цитируемого документа. По нашему мнению, словосочетание *бѣзь(у) небесный(е)* представляет собой либо кальку с немецкого *Himmelslauff*, либо кальку с польского *bieg(i) niebieski(e)*, которые, очевидно, являются кальками латинского сочетания *cursus celestis*, ср. классич. лат. *cursus solis, lunae, siderum* 'движение, бег солнца, луны, созвездий' [Дворецкий 1976]. Из польского это значение проникает в старобелорусские памятники, а в русский оно могло попасть как из польского (возможно, благодаря посредничеству *простой мовы*), так и непосредственно из немецкого. Не исключено, что процесс заимствования шел параллельно из обоих источников, однако польский язык был, вероятнее всего, основным, и это подтверждается материалами С. Кохмана, который обнаружил *бѣзь*, объясняемое словом *обход* 'круговое движение', в рукописном *Алфавите иностранных речей* второй четверти XVII в. с пометой *пол.* [Kochman 1975c, 37].

ВЗАЕМЬ (1) *нареч.* Взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно: *А в листу, государь, ево написано: в брацкой милости с нами живучи, они счастьем нашим тешется, а когда што противно зайдет, жалуют, также взаем от нас того разуменья, в смутку и в жалосных прямо помочь просят* [ВУР 2, 31(111). 1648 г.].

Это наречие образовано морфолого-синтаксическим способом от предложной формы вин. пад. ед. ч. суш. *zajěť < *zajěť (< *za+jěť): *vь+zajěť [Brückner 1974, 202; ЕСУМ I, 367; Фасмер I, 311; Шанский I, 3, 84–85; II, 6, 30].

В памятниках древнерусской письменности это наречие в значении ‘взаимы, в долг’ отмечается с XII–XIII вв. [Срезневский I, 916; СлДРЯ III, 305]. В лексикографических источниках русского языка оно регистрируется с начала XIX в., но только в значении ‘взаимы, в долг’, в котором фиксируется и в словаре современного русского языка в сопровождении помет *устар.* и *прост.* [САР I, 474; Даль I, 190; ССРЛЯ II, 177].

В анализируемом значении *взаемъ* представлено лишь в исторических словарях русского языка. Наиболее ранней фиксацией этого слова до сих пор считался случай, обнаруженный в *Козмографии* начала XVIII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 2, 140]. Правда, в этом же значении в словаре отмечается и наречие *взаимъ*, зафиксированное в дипломатическом документе конца 70-х годов XVII в. [там же]. В словаре русского языка XVIII в. лексемы *взаём* и *взаим* приводятся как варианты, причем первая снабжена пометой *слово, расширившее употребление*, а вторая — пометой *слово, выходящее из употребления*, при этом исследуемое нами значение сопровождается пометой *выходящее из употребления* [СлРЯ XVIII в. 3, 106].

Если учитывать только данные словарей, то историю слова *взаемъ* в значении ‘взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно’ в русском языке следует ограничить только XVIII в. Однако цитированный выше дипломатический документ по сношениям Московского государства с ВкЛ относится к середине XVII в., и этот случай использования лексемы *взаемъ* в рассматриваемом значении можно считать на данный момент наиболее ранней его фиксацией в русской письменности.

Два обстоятельства: характер памятника, в котором впервые обнаружено *взаемъ* в значении ‘взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно’, а также то, что однокоренное прилагательное *взаимный*, по мнению М. Басая [Basaj 1979, 11] и С. Кохмана [Kochman 1974, 88–91], в русском языке является заимствованием из польского, побудили нас проследить, не связано ли появление анализируемого значения у наречия с польским языком.

В памятниках польской письменности *wzajem* ‘w zamian za co; oborólnie, wzajemnie, nawzajem’ известно со второй половины XVI в. и употреблялось в этом значении на протяжении XVII–XIX вв. [Re-

czek 1968, 594; SłPaska II, 672; Linde VI, 555; Karłowicz VII, 1126]. В словаре современного польского языка это значение уже сопро­вождается пометой *przestarz.* [SłJP X, 349].

С конца XVI—начала XVII в. *взаемъ*, *взаимъ* в исследуемом нами значении отмечается в старобелорусской письменности — обычно в сильно полонизированных текстах [ГСБМ 3, 175], однако далее XVII в. история его в белорусском и украинском языках не прослеживается.

Приведенных выше данных, на наш взгляд, достаточно для пред­положения о том, что наречие *взаемъ* в значении 'взамен, на условиях взаимности; взаимно, обоюдно' в восточнославянской письменности является семантическим полонизмом, причем в русском письменном языке XVII в. это значение появилось, вероятнее всего, благодаря посредничеству *простой мовы*.

возникъ (3) *сущ. м.* Упряжная лошадь: *А которому конюху велашь пхати въ возку на возникъ, и ты бь про него объявляль, что онъ конюхъ* [ПДС 2, 911. 1604 г.]; *8 возников сиво желъзных. 6 возников Турскихъ с мълкими чюбаринками* [СБ.РИО 137, 674. 1607–1608 гг.]; *И пхали до палатъ въ каретъ; карета убита камкою цвѣтною; впряжено было въ каретъ шесть возниковъ* [ОЗ, 350. 1654 г.].

Это существительное образовано суффиксальным способом от общеславянского **vozъ* 'процесс передвижения; средство передвижения' [Вгückнер 1974, 631; ЕСУМ I, 344, 396; ИЭССРЯ I, 161; Преображенский I, 69; Фасмер I, 333; Шанский I, 3, 129; ЭСБМ 2, 184].

В древнерусском языке *возъникъ* 'обоз' и 'возчик; возница' известно с XIII в. [Срезневский I, 284; СлДРЯ I, 461].

В интересующем нас значении это слово впервые встречается в дипломатическом документе по сношениям с Римской империей под 1604 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 2, 300]. Нами оно дважды было отмечено в дипломатической корреспонденции по связям с Римской империей (1604 г. и 1654 г.) и один раз — в документе по связям с Польшей (1607–1608 гг.).

В словаре русского языка XVIII в., со ссылкой на другой лексико­графический источник начала XIX в., *возникъ* в значении 'лошадь, впрягаемая в повозку, карету' снабжено пометой *слово, выпавшее из употребления* [СлРЯ XVIII в. 4, 21; САР I, 624]. Само слово *возникъ* мы находим еще у В. Даля, но он регистрирует его в ином значении [Даль I, 229]. В словарях современного русского языка это существи­тельное не фиксируется.

С первой половины XV в. *возникъ*, *возныкъ* в значении 'конь-ла­мавік, вупражны конь' отмечается в памятниках старобелорусской

письменности [ГСБМ 4, 108]. Однако далее XVII в. судьба этого слова в анализируемом значении для белорусского и украинского языков не прослеживается. В исследованиях по истории белорусского и украинского языков оно рассматривается как лексический полонизм [Булыка 1980, 121; ССМ XIV–XV стст. I, 186].

В памятниках польской письменности слово *woźnik* ‘koń rościagowy; zaprzęgowy koń’ известно с конца XIV–начала XV в., в этом значении оно употреблялось в XV–XIX вв. [SłStp X, 4, 303; Reczek 1968, 564; Linde VI, 299; Karłowicz VII, 702]. В словаре современного польского языка *woźnik* ‘koń używany do zaprzęgu; koń rościagowy, sigowy’ уже снабжается пометой *daw.* [SJP IX, 1251].

Приведенные выше данные указывают на то, что существительное *возникъ* в интересующем нас значении в *простой мове* является лексическим полонизмом, а в русском языке это семантический полонизм, проникший в памятники письменности XVII в., вероятнее всего, благодаря посредничеству *простой мовы*.

ДОСТАВИТИ (1) *глагол. сов.* Препроводить к месту назначения; привезти, принести: *И язъ обещался, что с стъхъ мѣсть мѣсяць спустя, доставить мнѣ ... королевскому воеводе на сесь договоръ утверженная грамота* [СГГД 2, 382(192). 1609 г.].

Об общеславянском характере этого образования см. [Brückner 1974, 512; Преображенский II, 374–377; Фасмер III, 742, 748; Шанский I, 5, 173].

В памятниках русской письменности *доставити* в значении ‘доставить кого-л. до чего-л., ввести в какое-л. состояние (указанное сущ. в род. пад.)’ впервые отмечается со второй половины 60-х годов XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв. 4, 333]. В русских лексикографических источниках это слово регистрируется с начала XVIII в. [ССРЛЯ IV; 419]. В историческом словаре русского языка XVIII в. появление глагола *доставити* в интересующем нас значении датируется серединой 10-х годов XVIII в., при этом значение сопровождается пометой “новое слово (вариант, форма)” [СлРЯ XVIII в. 6, 228–229]. Как видим, приведенный выше контекст из дипломатической корреспонденции по связям Московского государства со Швецией позволяет уточнить время появления в русском языке слова *доставити* в значении ‘препроводить к месту назначения; привезти, принести’, на целое столетие (об употреблении его в русском языке XIX–XX вв. см. [САР II, 203; Даль I, 479; ССРЛЯ, там же]); кстати, в этом документе большое место отводится анализу взаимоотношений Москвы с Польшей, что кажется немаловажным для истории данного слова в исследуемом значении.

В памятниках польской письменности *dostawić* в значении 'przywodzić, przedstawić' известно с начала XV в. и в этом значении употребляется до настоящего времени [SłStp II, 2, 149; SłP XVI, V, 450; Linde I, 498; Karłowicz I, 527; SłJP II, 301–302].

В старобелорусской письменности ВкЛ *доставити* со второй половины XVII в. встречается только в значении 'дазволиць, даць' [ГСБМ 9, 21]. В словаре украинского языка XIX в. в интересующем нас значении находим только форму несовершенного вида *доставляти* [Гринченко I, 473]. В словаре современного белорусского языка *даста́віць* уже представлено в значении 'прывесці, прывезці, даслаць куды-н.', а в словаре современного украинского языка находим *доставити* 'перепроводжувати на місце призначення' [ТСБМ 2, 145; СУМ II, 387].

Итак, судя по имеющейся у нас информации, глагол *доставити* в исследуемом значении в русском языке является, вероятнее всего, семантической калькой польского *dostawić* в том же значении. Что касается других восточнославянских языков, то в них анализируемое значение, учитывая хронологические данные, попало, возможно, уже из русского языка.

ДОХОЖЕНЬЕ (3) *сущ. ср.* Действие по глаг. *доходити* в знач. 'добиваться чего-л. (своих прав, справедливости и т.п.)': *Ты великому государю нашему, его царскому величеству, в дохоженье прирожденных панствъ его служилъ и промышлялъ с великимъ радньемъ* [СГГД 2, 221(100). 1605 г.]; *Ты пан-рада великому государю нашему... в дохоженье прирожденных панствъ его служил..., и его царского здоровья остерегал* [Сб.РИО 137, 187–188. 1605 г.; там же, 191. 1605 г.].

По происхождению лексема *дохоженье* является отглагольным существительным от префиксального глагола **do-choditi*, имеющего общеславянское распространение [ЭССЯ 5, 52].

В древнерусском языке это слово в значении 'походка' известно с XIV в. [СлДРЯ III, 76]. Затем мы находим его в историческом словаре русского языка в значении 'доходить; двигаясь, достигать какого-л. места', которое иллюстрируется единственной цитатой XVI в. из переведенного с польского текста, а также в интересующем нас значении [СлРЯ XI–XVII вв. 4, 346]. Последний случай тоже представлен единственным примером, совпадающим с одним из приведенных нами.

Итак, все известные на данный момент случаи употребления лексемы *дохоженье* в анализируемом значении относятся к началу XVII в. и приходятся на дипломатическую корреспонденцию по сношениям Московского государства с Польшей.

В русских лексикографических источниках это слово в форме *дохожденье* отмечалось еще в XIX в., в словарях современного русского языка оно уже не регистрируется [Даль I, 485–486]. Но в интересующем нас значении судьба его далее XVII в. пока не прослеживается.

Обстоятельства появления *дохоженье* в исследуемом значении в русском языке побуждают нас обратиться к истории его в польском. Здесь *dochozdenie* в значении ‘dopominanie się, dobijanie się, usilne staganie się o co’ известно с 60-х годов XVI в. и в этом значении употребляется до настоящего времени [SłP XVI, V, 215; SłPaska I, 149; Linde I, 450; Karłowicz I, 479; SłJP II, 180].

С конца 70-х годов XVI в. *дохоженье*, *дохожене* в значении ‘дзеянне па дзеясл. *доходити* ў знач. ‘дамагацца, дабівацца, імкнуцца’ встречается в памятниках старобелорусской письменности ВкЛ, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами [ГСБМ 9, 53]. Далее мы обнаруживаем *дохожэнне* ‘отыскываніе’ в словаре, отражающем лексический состав белорусского языка XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 144]. Однако в словаре современного белорусского языка это слово уже не фиксируется. Не представлено оно и в словаре украинского языка XIX в.; тогда как в словаре современного украинского языка находим его в форме *дохожіння* в значении ‘дія за знач. *доходити* ‘проводячи послідовно яку-небудь дію чи ряд дій, добиватися чого-небудь; досягати наміченого’ [СУМ II, 397, 398].

Приведенный выше обзор истории слова *дохоженье* в анализируемом значении позволяет, на наш взгляд, утверждать, что в восточнославянских языках мы имеем дело с семантическим полонизмом, причем проникновению его в русский письменный язык XVII в. могла способствовать *проста мова*.

ЖАЛОБА (2) *суц. ж.* Траур; траурная одежда: *А печатаны на черном воску..., потому что они ныне по государе своем Густаве Адольфе короле в жалобе* [ЭСРШ, 54(28). 1633 г.]; *И гетман велел сына своего Тимофея поминать и сорокоусты по церквам давать. А жены де их и челядь ныне ходят в жалобе* [ВУР 3, 493(208). 1653 г.].

Это существительное, имеющее общеславянское распространение, образовано суффиксальным способом от праслав. корня **žal-* (ср. также *жаль* (< **žal'*), *жалеть* (< **žalěti*) [Brückner 1974, 661; ИЭССРЯ I, 291; Преображенский I, 221; Фасмер II, 34; Шанский I, 5, 274, 275].

В древнерусском языке *жалоба* в значении ‘жалоба, упрек, порицание’ известно с конца XI–начала XII в., позже оно начинает употребляться и в значении ‘горе, печаль’, в котором впервые отмечено в *Слове о полку Игореве* [Срезневский I, 841–842; СлДРЯ III, 230].

В интересующем нас значении это слово впервые встречается в дипломатическом документе по связям Московского государства с Персией конца XVI в.: *Нашей царевны и великия княжны Феодосьи не стало, и великий государь нашъ... и бояре в... жалобе*, выдержка из которого приводится в историческом словаре, где этот случай, на наш взгляд, ошибочно помещен под значение 'горе, печаль' [СлРЯ XI–XVII вв. 5, 71]. Кстати, это единственная иллюстрация слова *жалоба* в значении 'траур' в данном лексикографическом источнике.

В словаре, отражающем русский язык XVIII в., *жалоба* 'траур' (без указания места ударения) подается как омоним к *жа́лоба* в других значениях и сопровождается пометами *вышедшее из употребления и юго-зап.* с указанием на наличие этого слова в польском и украинском языках [СлРЯ XVIII в. 7, 92].

Итак, далее XVII в. судьба этого слова в исследуемом нами значении для русского языка не прослеживается, так как в словаре, о котором речь шла выше (СлРЯ XVIII в.), оно иллюстрируется единственным примером из дипломатического документа, отражающего контакты Москвы со Швецией во второй половине XVII в.

Приведенные нами контексты со словом *жалоба* 'траур; траурная одежда' обнаружены в дипломатической корреспонденции первой половины XVII в. — по сношениям со Швецией (1633 г.) и по сношениям с Вкл и Польшей (1653 г.). Учитывая характер памятников, в которых данное слово было использовано, характер помет, сопровождающих его в лексикографических источниках, а также непродолжительность бытования, можно предположить его неисконность в русском языке.

В памятниках польской письменности *żałoba* в значениях 'przyciębienie, żal, smutek po śmierci osoby bliskiej; okres trwania żałoby' и 'ubiór żałobny, oznaki żałobne' известно с середины XVI в. и употребляется до настоящего времени [Linde VI, SłPaska II, 777; Karłowicz VIII, SłJP X, 1395–1396].

Жалоба в значении 'жалобнае адзенне, адзнакі жалобы' в старобелорусской письменности фиксируется с 80-х годов XVI в. в сильно полонизированных текстах, а с начала XVII в. оно отмечается и в значении 'жалоба' [ГСБМ 9, 252]. В данном случае хронологическая последовательность появления этих значений указывает на неисконность их для *простой мовы*. Далее находим *жалоба* 'траур' в словаре белорусского языка XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 152]. В словаре современного белорусского языка оно фиксируется в тех же двух значениях, которые характерны и для польского языка [ГСБМ 2, 249]. В словаре украинского языка Б. Гринченко *жалоба* 'траур, траурная

одежда' подается как омоним к *жа́лоба*, так же оно представлено и в словаре современного украинского языка [1924 I, 515; СУМ II, 506].

Сопоставление приведенных выше сведений показывает, что *жа́лоба* в значении 'траур; траурная одежда' в восточнославянских языках является очевидным полонизмом — как это и указывается в словаре В. Витковского [1999, 47]. Учитывая, что в словаре русского языка XI–XVII вв. и в историческом словаре белорусского языка интересующее нас значение подается как одно из значений многозначного слова, что совпадает с подачей в лексикографических источниках польского языка, мы считаем его семантическим заимствованием, по крайней мере, для *простой мовы* и русского языка конца XVI–XVII в.; в русский же язык московских приказов исследуемое значение попало, вероятнее всего, через посредничество *простой мовы*.

животный (1) *прил.* Относящийся к животу, брюшной: *А поругаючися намъ... подръзали все брюхо и закрывъ очи перестъгли грудь надвои и животное все наругаючися волочили, какъ и звѣрь не дѣлаеть* [Якубов 1897, 382. 1650 г.].

Данное прилагательное зафиксировано в дипломатическом документе середины XVII в. по сношениям Московского государства со Швецией, где затрагиваются и межгосударственные контакты Москвы с Польшей. Эта информация позволяет существенно уточнить время появления *животный* в значении 'относящийся к животу, брюшной' в письменном русском языке. Показательно, что это слово соотносится в данном контексте с лексемой *брюхо*: *подръзали все брюхо — животное... волочили*.

По происхождению лексема *животный* является суффиксальным производным от праслав. **životь*, первоначально имевшего значение 'жизнь', см. [Вгүскнер 1974, 670; ИЭССРЯ I, 302; Преображенский I, 233–234; Фасмер II, 52]. В различных значениях она была известна в древнерусском языке XI–XII вв. [Срезневский I, 869–870; СлДРЯ III, 258–259]. В значении 'относящийся к животу, брюшной' она, по данным исторического словаря русского языка, появляется в памятниках письменности лишь с начала XVIII в. и употребляется в этом значении на протяжении XVIII–XIX вв. [СлРЯ XI–XVII вв. 5, 106; СлРЯ XVIII в. 7, 130; САР II, 444; Даль I, 540]. В словарях современного русского языка *животный* в исследуемом значении уже не регистрируется.

Как возможный полонизм данное слово привлекло к себе внимание не только из-за характера памятника, в котором оно было обнаружено, но и потому, что мотивирующее его существительное *животъ* 'живот' впервые было зафиксировано в русском языке в XVI в.

в тексте, переведенном с польского [СлРЯ XI–XVII вв. 5, 104]. Это дает основание полагать, что значение ‘живот’ у существительного *животъ* возникло, вероятнее всего, не лексико-семантическим путем и не в самом русском языке, как считает Н.М. Шанский [I, 5, 290], а было заимствовано из польского, где *żywot* ‘brzuch, brzuch, łono’ зафиксировано уже со второй половины XIV в. [Reczek 1968, 677]. То же, на наш взгляд, можно сказать и в отношении *простой мовы*, так как в старобелорусской письменности *животъ*, *жывотъ* ‘частка цела ў чалавека і жывёл’ отмечается только с конца XV–начала XVI вв. в текстах, в той или иной степени насыщенных полонизмами [ГСБМ 10, 23].

Со второй половины XVI в. *животный*, *жывотный* ‘які адносіцца да жывата’ фиксируется в таких текстах на *простой мове*, в которых обнаруживается большое количество полонизмов [ГСБМ 10, 20]. Однако далее XVII в. судьба этого прилагательного в данном значении ни в белорусском, ни в украинском языках не прослеживается; учитывая единичность случаев его употребления в *простой мове* в этом значении, можно предположить, что и здесь мы имеем дело с семантическим полонизмом.

Таким образом, судя по историческим данным (хронология, характер памятников), обоснованным кажется предположение о заимствовании слова *животный* в значении ‘относящийся к животу, брюшной’ в восточнославянскую письменность из польского, где *żywoty* в значении ‘brzuszy, maciczny’ известно с середины XVI в. и отмечалось в памятниках письменности XVI–XVII вв. [Linde VI, 1074]. В словаре польского языка XIX в. *żywoty* в анализируемом значении уже снабжено пометой *staropolski*, а в словаре современного польского языка оно в этом значении не представлено вообще [Karłowicz VIII, 742]. В русский письменный язык этот семантический полонизм попал, возможно, благодаря посредничеству *простой мовы*.

Общеизвестно, что изучение семантических заимствований, или межъязыковых калек, связано с большими трудностями и здесь редко удастся достигнуть надежных решений. Возможно, факты, рассмотренные в данной статье, будут уточнены в будущем, однако в настоящее время они кажутся достаточно обоснованными, чтобы утверждать, что при изучении особенностей русского приказного языка XVII в. важно и необходимо учитывать не только лексические, но и семантические полонизмы, а сам факт их существования является свидетельством глубокого влияния и польского языка, и языка старобелорусской письменности Великого княжества Литовского на формирование узуса русской деловой письменности этого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиография наиболее значительных работ по проблемам изучения приказного языка приведена в работе [Кортава 1998].

² Как известно, кроме термина *старобелорусский язык* для обозначения книжного языка, сформировавшегося на территории Великого княжества Литовского на базе древнерусского языка Киевского периода (одним из функциональных вариантов которого был деловой, государственно-канцелярский язык этого государства), иногда используются также термины *проста мова* и *руська мова*. В традиции московской филологической школы восточнославянские территории в составе ВКЛ обычно называются *Юго-Западной Русью*.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

ВУР = *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*, т. 2–3. Москва, 1953.

ОЗ = *Отечественные записки*, т. 28. Санкт-Петербург, 1826.

ПДС = *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. 2. Санкт-Петербург, 1852.

СБ.РИО 137 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 4 (1508–1608 гг.). Санкт-Петербург, 1912. (Сборник Русского Исторического Общества, т. 137.)

СПГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 2–3. Санкт-Петербург, 1819, 1822.

ЭСРШ = *Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.* Москва–Стокгольм, 1978.

Якубов К., 1897: *Россия и Швеция в первой половине XVII в.*: Сборник материалов. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

Булыка А.М., 1980: *Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст.* Мінск.

Гарбуль Л.П., 1985: К вопросу об изучении польского влияния на русский язык XVI–XVIII вв., *Kalbotyra*, 36(2). Вильнюс, 16–26.

Грінченко Б., *Словарь української мови*, т. I–II. Берлін, 1924.

ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–18. Мінск, 1982–1999.

Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва, 1978–1980.

Дворецкий И.Х., 1976: *Латинско-русский словарь*. Москва.

ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*, т. I–II. Київ, 1982–1985.

Золтан А., 1988: Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в., *Studia Slavica Hungarica*, 34(1–4). Budapest, 81–124.

- Золтан А., 1987: *Из истории русской лексики*. На правах рукописи. Будапешт. ИЭССРЯ = Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва, 1999.
- Кортава Т.В., 1998: *Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка*. Москва.
- Носович И.И., 1870: *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург.
- Поликарпов Ф.П., 1704: *Лексикон триназычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище*. Москва.
- Преображенский А.Г., *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва, 1959.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СлДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. I–IV. Москва, 1988–1991.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 1–24. Москва, 1975–1999.
- СлРЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII в.*, вып. 1–10. Москва, 1984–1998.
- Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1912.
- ССМ XIV–XV стст. = *Словник староукраїнської мови XIV–XV стст.*, т. I–II. Київ, 1977–1978.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*, т. I–IV. Москва, 1991–1994.
- СУМ = *Словник української мови*, т. I–XI. Київ, 1970–1980.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. I–IV. Москва, 1964–1973.
- Шанский Н.М., *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва, 1963–1982.
- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–8. Мінск, 1978–1993.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, т. 1–20. Москва, 1974–1994.
- Basaj M., 1979: Stan i perspektywy badań nad wpływami polskimi na język rosyjski, *Slavia orientalis*, 28(1). 3–13.
- Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, t. I. Heidelberg. 1924.
- Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryńskiiego, W. Niedźwiedzkiego*, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.
- Kochman St., 1974: О языке первых пьес русского театра. Полонизмы, *Zeszyty naukowe WSP (Opole). Filologija rosyjska*, 11. 83–99.
- Kochman St., 1975a: *Polsko-rosyjskie slosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo*. Opole.
- Kochman St., 1975b: Латынь как источник польско-русских словесных калек, *Zeszyty naukowe WSP (Opole). Filologija rosyjska*, 12. 19–27.

Kochman St., 1975c: *Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII w.* Warszawa.

Linde S.B., *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.

SłJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

SłPaska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, t. I–II. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.

SłP XVI = *Słownik polszczyzny XVI w.*, t. I–XXVII. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–1999.

SłStp = *Słownik staropolski*, t. I–X. Warszawa, 1953–1990.

Witkowski W., 1999: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Zestawił Wiesław Witkowski. Kraków.

E-mail: liudmila.garbul@lf.vu.lt

Ноябрь 2001 г.

LJUDMILA PAVLOVNA GARBUL

Semantic Polonicisms in the Russian chancery language of the first half of the 17th century

The article examines the history of the following words found in diplomatic correspondence from Muscovite Russia (first half of 17th cen.): *beg* in the meaning 'rotation of the heavenly bodies', *vzajem* in the meaning 'mutually, reciprocally', *voznik* in the meaning 'draught-horse, carriage-horse', *dostaviti* in the meaning 'to convey; to bring', *dochožen'e* in the meaning 'attainment, achievement', *žaloba* in the meaning 'mourning' and *životnyj* in the meaning 'abdominal'.